

Виктор Вургафтик

Трактат о дальнодействии

Васильевский остров
Январь
1973

I

Летом прошлого года я писал, что Христос освободил меня от всякой ответственности и что Бог возложил на меня абсолютную безответственность. Это правда, что Он возложил её на меня, но я не принял её, а лишь принимаю. И Христос не освободил меня от ответственности, а освобождает. «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» /Лук. 4:18-19/. Я не согласен с Я. С. Друскиным, что освобождение только актуально – совершается в некоторый момент, и затем всё идёт по-прежнему до следующего такого же момента. Да, затем я поработаю по-прежнему и даже хуже прежнего, но я знаю, что в среднем моя свобода растёт.

Степень моего рабства, т.е. принятия на себя ответственности я измеряю моей силой. Я думаю, что для участия в обществе она должны быть в некоторых пределах – не меньше нижнего и не больше верхнего. Если бы она была больше, я был бы Наполеоном, если бы в этих пределах – здоровым членом общества, но она меньше и неуклонно уменьшается. Поэтому я тот, кого освобождает Христос. Если бы моя сила была в тех пределах, а я старался приложить большую, я был бы Раскольниковым. Но она меньше, а я стараюсь участвовать в обществе; поэтому я тот, кто вновь и вновь надрывается под бременем греха.

II

Страдание, гнев, страх, удовольствие я испытываю оттого, что возбуждаются соответствующие подкорковые отделы мозга. Возбуждающие сигналы приходят сюда от органов чувств, так что их раздражение есть соблазн для меня. Однако сигналы от них поступают также в кору; когда возбуждаются одни её отделы, я вижу, когда другие – слышу, когда третьи – осязаю. В коре пролегают и нервные связи между приходящими извне импульсами и моими ответными реакциями, обеспечивающими самосохранение. Но в активном, бодрствующем состоянии её поддерживают истоки возбуждения, исходящие из возбуждённых подкорковых отделов. Поэтому вместе со страданием, гневом, страхом, удовольствием я утратил бы восприятие мира и способность элементарно поддерживать себя. Но Христос освобождает меня именно от этих эмоций. Что же мне несёт освобождение?

Я думаю, вместе с отмиранием функциональной активности этих отделов в подкорке активизируется новый отдел – я назову его центром переживания Бога, – который во всё большей степени берёт на себя активацию коры. Взамен ветхого человека, живущего всевозможными страстями, во мне рождается новый человек, который живёт одним Богом. Он не подвержен мирским удовольствиям, раздражениям, страданиям и страхам, но может созерцать мир и действовать. Он не подвержен соблазнам

Когда я актуально переживаю Бога, этот новый центр сильно возбуждён и оттого по известному закону заторможены эмоциональные отделы подкорки; тогда я уже свободен, но через некоторое время возбуждение и торможение меняются местами и тогда я актуально не помню Бога – лишь знаю о Нём в силу деятельности коры, – я снова раб своих страстей и грешник. Но вновь и вновь затормаживаясь, эмоциональные отделы постепенно теряют активность – отмирают.

Я знаю, что Бог не затворил для меня другой путь – путь участия в обществе. Но Он предостерег меня, что на нём я буду сильно страдать, и когда я только вступаю на него, это предостережение сбывается. На этом пути эмоциональные отделы мозга отмирают не потому, что их систематически тормозит возбуждение центра переживания Бога, и не потому, что они всё менее деятельны за ненадобностью, а именно из-за страданий, которыми всякий раз сопровождается их возбуждение. Прежде всего, я верю, что Бог вводит меня как раз в такие общественные отношения, которые очень болезненны для меня, и систематическое следование боли за уступками соблазнам постепенно, в силу закона самосохранения, атрофирует отделы как положительных эмоций, так и отрицательных. Длительная боль разрушает организм, и ведающие ею отделы отключаются. С другой стороны, из-за возбуждения центра переживания Бога у меня более или менее заторможён подкорковый отдел, побуждающий к мирским радостям, и это делает моё поведение в обществе необычным и чреватым конфликтами. И само одновременное возбуждение этих двух частей мозга – жизнь и нового человека, и ветхого – болезненно и угрожает нормальной жизнедеятельности организма; а так как физиологический центр нового человека крепнет, центр ветхого должен умереть.

III

Согласно квантовой механике, взаимодействие двух частиц лишает их индивидуальных состояний и заключает в одно общее. Теперь, даже если взаимодействие прекратилось /например, потому, что частицы разошлись на большое расстояние/, они не имеют особых состояний и находятся в общем. Однако, действуя на одну из них измерительным прибором, мы можем дать ей индивидуальное состояние. В то же самое мгновение появится индивидуальное состояние и у другой частицы, хотя бы на неё никакой прибор не действовал и находилась она от первой очень далеко.

Как известно, никакое материальное взаимодействие не может быть мгновенным – скорость, с которой оно распространяется, не превосходит

скорости света в пустоте. Если, например, сдвинуть один из двух зарядов, второй «почувствует» изменение электрической силы не сразу, а через некоторый промежуток времени. Кроме того, материальные взаимодействия резко убывают с расстоянием; если увеличить расстояние между зарядами втрое, сила взаимодействия уменьшится в девять раз.

Следовательно, две частицы, имеющие общее состояние, связаны не материальным, или, как говорят, несильным взаимодействием. Если материальные взаимодействия передаются через посредство воли, квантов, в нематериальном одна частица действует на другую непосредственно на расстоянии. Поэтому первые называют близкодействиями, второе – дальнодействием.

Равноправие всех направлений, исходящих из любой частицы Вселенной /на достаточно большом протяжении/ приводит, согласно общей теории относительности, к тому, что все расстояния в ней должны возрастать и порядка 10 миллиардов лет назад быть равными нулю. Наблюдения показывают, что ни одно направление с Земли не имеет никаких преимуществ перед другими и что галактики /или скопления галактик/ действительно разбегаются. Поэтому я буду предполагать, что видимый мир возник в результате взрыва из точки, в которой была сосредоточена масса всей Вселенной.

Очевидно, в этот миг всё отталкивалось от всего, иными словами, все частицы близкодействовали между собой. Мы видели, что это должно было привести к всеобщей дальнодейственной связи, сохраняющейся до настоящего времени. Она существует в каждое мгновение – сейчас.

Но существуют ли сейчас многообразные близкодейственные связи? Я вижу звезду, слышу гром, пишу другу, живущему далеко от меня; но связан ли я с ними в этот момент? Нет, потому что гром уже отзвучал, звезда, быть может, давно погасла, а друг – застанет ли его моё письмо? Я могу быть уверен лишь в электромагнитных волнах, фотонах, попадающих в мои глаза, в звуковых волнах, колеблющих барабанные перепонки и в писании самого письма. Или даже не в них, а в нервных возбуждениях коры головного мозга, приходящих от глаз, ушей или идущих к пишущей руке. Строго говоря, так же обстоит дело, если я смотрю на фонарь, слышу скрипку, зову друга, заблудившегося в лесу: я связан в этот момент не с ними, а лишь с нервными импульсами, которые принимает или посылает мой мозг. Я связан лишь с самим собою. А всё, что меня как будто окружает, принадлежит либо прошлому, либо будущему, но сейчас не есть / или, что то же, не таково, каким кажется/.

Итак, реально сейчас нет близкодействий, а с ними и расстояний, которые я чувствую и измеряю только благодаря близкодействиям – свету, звуку, ходьбе. Поэтому нереален и взрыв, с которым они возникли, и время, протекшее с этого мгновения. Я живу обычно в нереальном, иллюзорном мире – мире расстояний, близкодействий и времени. Одно в нём было, другое будет, а есть только я сам, принимающий за звёзды нервные импульсы, приходящие в мозг, – а за разыскиваемого друга – импульсы, которые от мозга исходят. Созерцая мир, я ухожу от настоящего мгновения так же, как в воспоминаниях, когда за реальные вещи принимаю мысли о них и образы, или в ожиданиях, когда принимаю за них

мои намерения и надежды /Я. С. Друскин/. Но кто такой я сам? Если это мой мозг, то и сам я нереален, потому что он со всеми своими функциями немислим без расстояний, близкодействий и времени. Таким образом, вместе с миром я теряю себя самого.

IV

В реальном мире нет протяжённых тел, но, может быть, есть элементарные частицы. Однако нельзя уже говорить об их физических свойствах – массе, спине, заряде, – потому что все они реализуются лишь расстояниями, движением, ориентацией в пространстве. Иными словами, к реальному миру неприменимо понятие материи. Идя от физических представлений, я могу увидеть в нём помимо элементарных частиц лишь дальноедействие, которым они соединены. Но наглядно представить себе это единство я не способен. И я не знаю, можно ли говорить, что в одном случае дальноедействие в каком-то смысле сильнее, чем в другом, так что одни соединения частиц «теснее», нежели другие. Если это и так, я не знаю, сильнее ли связаны частицы моего тела между собой, чем с какими-то другими частицами; в последнем случае моему телу в реальном мире ничто не соответствует, и оно умирает совершенно – именно потому, что в действительности его нет и сейчас.

Теперь я хочу сказать о бессмертии на языке физических представлений. Я понимаю его как существование переживаний, имеющих отношение к реальному миру – к миру, в котором нет времени. Очевидно, это должно быть переживание дальноедействия. Оно действует на все частицы, в том числе на каждую частицу моего тела, но чтобы я переживал его, оно должно действовать на меня как на целое. Подобным же образом я могу не чувствовать близкодействий, затрагивающих все мои молекулы, например, рентгеновских лучей. Я чувствую близкодействия тогда, когда они затрагивают мою психику, т.е. возбуждают эмоциональные отделы мозга. Но в подкорке наряду с ними есть центр переживания Бога. Поэтому жизнедеятельность организма подчинена не одному очагу возбуждения, а двум, оказывается не единой, а раздвоенной. Во мне живут два человека, и для того чтобы я мог быть причастен дальноедействию как целое, как единый квантовомеханический объект, один из них должен умереть. Но центр переживания Бога, придя однажды в активное состояние, умереть или навсегда затормозиться уже не может – я не могу забыть Бога, Христа и закон. И думаю, что такова неперемнная физиологическая особенность человеческого мозга. У животных нет центра переживания Бога, и поэтому они целостны и безгрешны; но поэтому они, видимо, не имеют лица. Грех можно понимать как любое возбуждение в подкорковых отделах эмоций – и вызванное близкодействием извне и вызывающее моё близкодействие – при наличии центра переживания Бога. Если, однако, последний не возбуждён, я живу, как говорит Я. С. Друскин, в непосредственности греха, и грех не засчитывается мне. Когда же оживает закон, оживает и грех: «Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай» /Исход, 20:17/. Но грех,

взяв повод от заповеди, произвёл во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мёртв. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра. Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди. Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, предан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» /Римл.7:7-15/. Почему закон, данный мне для жизни, послужил к смерти? Потому что с ним я раздвоился, перестал быть целостным объектом, который, подобно элементарной частице, способен в целом участвовать в дальном действии. Повторю ещё раз, что частицы моего тела заведомо участвуют в нём, так как в момент начального взрыва все частицы Вселенной отталкивались от всех и поэтому оказались в одном квантовомеханическом состоянии. Но чтобы я в целом участвовал в нём, чтобы мог его переживать, необходимы два условия: во-первых, я должен быть целостным квантовомеханическим объектом, во-вторых, как целое я должен прийти в близкое действие с чем-то другим – тогда я утрачу индивидуальное состояние и буду находиться в общем с этим другим объектом. Тогда я и он будем соединены дальном действием, которым я буду жить. Если он человек, это будут ноуменальные отношения, та любовь, когда между нами Христос. Если он мир, я увижу вечный благодный Свет, в Котором когда-нибудь останусь.

Но чтобы выполнилось первое условие, должны затормозиться или отмереть подкорковые отделы эмоций: в первом случае я приобщаюсь к дальном действию и реальному миру на время – впрочем, тогда уже нет времени – во втором навсегда /это слово тоже неточно, потому что имеет отношение ко времени/. «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим.» /Рим. 7:24-25/. Второе же условие выполняется в силу видения мною этого объекта, слышания его, обоняния и пр., а также моего действия на него. Дальном действенная связь с ним сохраняется, однако, и после этого – так же, как у двух частиц, – пока некоторые внешние обстоятельства, аналогичные измерительному прибору, не заключат меня или его в особое состояние – замкнут самим собой /я могу утратить переживание этой связи и оттого, что уступлю соблазну, – тогда возникнет очаг возбуждения в эмоциональной части подкорки, т.е. я окажусь раздвоен/.

V

Когда с миром или с человеком меня соединяет дальном действие, я вижу их не такими, какими они были или, возможно, будут, а каковы они есть. Я тогда не сплю, а бодрствую, живу не иллюзиями, а реальностью. Я переживаю тогда сейчас, которое, как говорит Я. С. Друскин, прорывает время. Переживание сейчас и есть переживание дальном действия.

Но мне знакомо и другое переживание, когда душу переполняет блаженство и какая-то непонятная тоска и грезятся какие-то положения, в которых я был или буду, но как будто не в этой, а иной жизни. Я называю это переживанием прекрасного. Мне кажется, что тогда я вижу мир как целое и сам принадлежу ему /между целостным и прекрасным, по-моему, нет разницы/. Если так, переживание прекрасного тоже есть переживание дальнего действия. Но когда оно происходит от переживания Бога, мне плохо и именно поэтому хорошо. Когда же я переживаю прекрасное, мне хорошо не потому, что плохо, а просто потому что хорошо. Как описать это на языке физических и физиологических представлений? Я думаю, в этом случае центр переживания Бога заторможен и очаг возбуждения находится лишь в отделах эмоций. Это, по-видимому, подтверждается тем, что такое состояние больше свойственно детям, а также народам, ещё пребывающим в язычестве. Страдание же, какая-то отрешённость от мира в переживании Бога объясняется, видимо, некоторым отмиранием эмоциональных отделов, находящихся в состоянии торможения. Таким образом, переживание прекрасного есть некий возврат к невинности, в которой у меня нет лица. Мне кажется, он происходит совершенно независимо от меня. И я не думаю, что такое переживание может спасти от смерти человека, который уже знает закон: в свой смертный час он неминуемо актуально вспомнит о Боге и тем самым утратит прекрасное; теперь, чтобы он перешёл от смерти в жизнь, должны умереть отделы эмоций. Если всем сердцем своим он прилепляется к Богу, они умирают прежде, и тогда он живёт уже Божьим дальним действием, которое останется с ним и после того, как умрёт всё тело /конечно, слова «тогда» и «после» здесь, строго говоря, нельзя употреблять/.

Что такое грехопадение человека, описанное в главе 1 книги Бытия? До грехопадения он принадлежал к реальному миру, потому что не имел центра переживания Бога, не имел лица. Он жил в прекрасном, что и является райским состоянием. Запретив вкушать от дерева познания добра и зла, Бог дал ему закон – сотворил центр переживания Бога. Но вначале он был заторможен. Его активность пробудил соблазн нарушить заповедь, исходивший от змия; как написал апостол Павел, «грех, взяв повод от заповеди, произвёл во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мёртв.»

Значит ли это, что и мой центр переживания Бога пробуждается лишь тогда, когда я уступаю соблазну? Если так, его возбуждение может происходить только через возбуждение отделов эмоций, после чего он сохраняет активность, а они затормаживаются и частично отмирают. Может быть, это и значит, что «многими скорбями надлежит войти нам в Царство Небесное» /Деян.14:22/. Но Бог сказал мне, что я буду страдать, лишь соприкасаясь с обществом, и предостерег меня от этого пути. Я вижу теперь, что общество настигает меня не только тогда, когда я где-то работаю, но и у себя дома. Поэтому я хочу бежать из дому. Куда? Этого я ещё не знаю. Как я буду приобщаться к дальнему действию вдали от общества? Благодаря атрофированию отделов эмоций, лишённых деятельности? Или благодаря тому, что я буду больше сосредоточен на Боге и это будет их тормозить? Или обоими способами? Но, во-первых, разве отмирание возможно без страдания, а, во-вторых, не проникает ли возбуждение

в центр переживания Бога лишь через сильно возбуждённые отделы эмоций, которые затем затормаживаются? Может быть, в мозге образуется другой путь, проводящий возбуждения от органов чувств прямо в центр переживания Бога? Однажды я вдруг почувствовал, что всё потерял, и увидел Свет Божий; при этом я не испытывал особенных мук. Может быть, эмоциональные отделы внезапно затормозились, и возбуждение центра переживания Бога не успело отхлынуть через них? И может быть, со страданием связано не всякое отмирание, а лишь из-за сильных отрицательных эмоций? Тогда отмирание – следствие страдания, а не оно само.

Ещё несколько слов о языке, которым я здесь пользовался. Я уже говорил, что истинно нет ни близкодействий, ни расстояний, ни времени, а с ними и удаления друг от друга частиц, бывших в близкодействии, начального мирового взрыва и разбегания галактик, мозга, его отделов, их возбуждения и торможения. Мой язык есть язык павшего во грехе человека, который живёт в этом иллюзорном мире. Но таков по необходимости язык всякого произведения, будь он языком логики или искусства.

А начальный взрыв, возможно, не отличается от падения мира в грехе человека, о котором говорит Я. С. Друскин в «Рассуждении о Библейской онтологии...»